

Участники императорских экзаменов должны были подробно указывать своё происхождение и место рождения. Цзянь Цзинь тоже написал: он уроженец уезда Чанпин, пострадавшего от наводнения. Десять лет назад уезд был разрушен паводком, он начал скитаться, потеряв по дороге семью. Лишь пять лет назад, найдя сестру, он осел в уезде Чунъань и начал готовиться к экзаменам.

Такая биография легко подделывалась.

Более того, согласно их расследованию, сестра Цзянь Цзиня, Цзянь Даню, относилась к нему не как к брату, а скорее как к хозяину.

Из-за языкового барьера Цзянь Даню редко выходила из дома, но иногда общалась со служанками из семей цзяннаньских учёных. В её речах не было братской близости к Цзянь Цзиню, только почтение и даже страх. Даже слова маленького Цзянь Сюня она слушала беспрекословно.

Одним словом, семья Цзянь Цзиня была крайне подозрительной.

Хэ Минчжао выяснял каждую деталь.

Чёрная стража наблюдала за чиновниками, и когда он сам ею руководил, то часто разбирал дела, опираясь на мельчайшие зацепки.

Цзянь Цзинь действительно был полон нестыковок, даже не пытаясь их скрывать.

Конечно, обычный человек не стал бы его проверять.

Если подумать, их первая встреча была странной. А потом, когда он тайно навестил Цзянь Цзиня, тот мгновенно его узнал.

Хэ Минчжао был уверен: надев маску, изменив голос и одежду, он должен был стать неузнаваемым.

Но главное — почему он сам так менялся при виде Цзянь Цзиня?

Когда Цзянь Цзинь сказал, что Цзянь Сюнь — их общий сын, он едва не поверил!

Даже сейчас, думая о Цзянь Сюне, он чувствовал к нему тепло.

Он, должно быть, сошёл с ума!

К тому же, каждый раз при встрече с Цзянь Цзинем головная боль ослабевала. И это тоже было подозрительно.

Хэ Минчжао вдруг вспомнил лекарство, о котором упоминал императорский лекарь Ху.

Говорили, на южных границах есть снадобье под названием афужун.

Афужун обладает многими свойствами: обезболивает, останавливает диарею. Но на юге войны предпочитали употреблять его перед боем.

Приняв афужун, они становились бесстрашными, готовыми на смерть!

Его болезнь была уже неизлечима, головные муки невыносимы. Лекарь Ху предлагал

использовать афужун для облегчения боли, но Хэ Минчжао отказался.

Он знал: это вещество вызывает привыкание.

Подсев на афужун, человек, лишившись дозы, терял человеческий облик, мог валяться в ногах, выпрашивая её.

Хэ Минчжао и так терял контроль во время приступов. Если бы он ещё и пристрастился к этому зелью, что бы с ним стало?

Его болезнь и головные боли уже сокращали жизнь. Но если бы он начал принимать этот дурман ради облегчения, его личность могла измениться...

Историй о том, как мудрые правители становились тиранами, предостаточно.

Он отказался, и лекарь Ху не настаивал.

А теперь... Не использовал ли Цзянь Цзинь на нём нечто подобное афужуну, чтобы облегчить боль?

Ведь даже дым от афужуна мог вызывать блаженство!

Более того, его особое отношение к Цзянь Цзиню могло быть результатом чьего-то вмешательства.

Он вёл себя как замороженный!

Едва эта мысль возникла, как появилась другая, твердившая, что Цзянь Цзинь — хороший человек и не способен на такое.

Он не хотел верить, что Цзянь Цзинь приблизился к нему с тайным умыслом, и уж тем более — что тот желает ему зла.

Но если это не так, почему он стал таким?

И что смешнее всего — Цзянь Цзинь утверждал, будто Цзянь Сюнь его сын.

Разве он сам не знал, есть ли у него дети? Цзянь Цзинь говорил это так уверенно, будто уже держал его под контролем?

Духовная сила Хэ Минчжао и так была нестабильна, а от таких мыслей она колебалась ещё сильнее.

Возможно, Цзянь Цзинь изначально планировал рассказать всё позже. Поэтому, хоть и знал его истинную личность, притворялся невеждой.

В тот день, когда Хэ Минчжао внезапно напал, Цзянь Цзинь, не желая подчиняться, раскрыл его личность, чтобы отказать.

Значит, Цзянь Цзинь... на самом деле не любил его?

А Цзянь Сюня, возможно, собирались представить позже, но раз Хэ Минчжао его увидел, пришлось вывести мальчика на сцену раньше.

Мысли Хэ Минчжао путались.

В голове звучал голос, сомневавшийся в Цзянь Цзине, указывавший на подозрительные детали. Например... Цзянь Цзинь, хилый учёный, смог обездвигнуть его, схватив за запястье.

Но другой голос твердил, что с Цзянь Цзином всё в порядке, что не стоит сомневаться.

Он действительно любил Цзянь Цзиня и был готов на всё, лишь бы быть с ним...

Хэ Минчжао ударил себя кулаком по голове.

Не ожидал, что в нём родятся такие ужасные мысли.

Но сдержаться не мог.

Даже подозревая Цзянь Цзиня, он не желал причинять ему вред.

И всё же он мучил себя, пытаясь понять мотивы Цзянь Цзиня.

За Цзянь Цзином, несомненно, стоял кто-то. Возможно, кровный родственник. Цзянь Сюнь, может, и не сын Цзянь Цзиня, а отпрыск императорской семьи — иначе почему так похож?

А цель того, кто стоит за Цзянь Цзином, — использовать его, чтобы контролировать Хэ Минчжао, и в итоге возвести Цзянь Сюня на трон?

Он и так долго не проживёт. Если Цзянь Цзинь хочет его смерти — что ж. Но раз обманул, должен заплатить.

Он хотел запереть Цзянь Цзиня в месте, известном только ему, куда никто больше не проникнет.

От этой мысли Хэ Минчжао охватило волнение, он жаждал немедленно её исполнить.

— Ваше Величество, ребёнок господина Цзяня — ваш? — Управляющий Чжан, слышавший разговор Хэ Минчжао с Чёрной стражей и узнавший от стражников, что вчера Цзянь Сюнь назвал императора «папой», позволил себе смелое предположение.

Раз Цзянь Цзинь не был женат, а Цзянь Сюнь появился внезапно, возможно... этот ребёнок — их императора?

Хотя Хэ Минчжао сторонился женщин, управляющий Чжан не сопровождал его повсюду. Император часто оставался наедине с собой.

К тому же, три-четыре года назад, вскоре после восшествия на престол, дворец ещё не был очищен, и многие служанки мечтали попасть в постель императора. Тогда женщины с возбуждающими ароматами были обычным делом, а некоторые наложницы даже подносили ему напитки с добавками!

Сам Хэ Минчжао не интересовался подобным, но, возможно, однажды попал в ловушку?

Мысль о том, что у их императора может быть наследник, обрадовала управляющего Чжана.

Хэ Минчжао стоило бы объяснить свои подозрения приближённым, но, подумав, он решил промолчать.

Эти люди были преданы ему и не потерпели бы того, кто пытается навредить. Узнай они о тайных замыслах Цзянь Цзиня, они могли бы причинить ему зло.

Одна мысль о возможном вреде для Цзянь Цзиня была невыносима.

Он хотел, чтобы Цзянь Цзинь был в безопасности.

Без Цзянь Цзиня жизнь теряла смысл.

У него были такие мысли... Что же Цзянь Цзинь ему подсунул?

Голова Хэ Минчжао снова заболела, и в то же время он страстно захотел увидеть Цзянь Цзиня.

Это чувство, будто исходящее из глубин души, было непреодолимым.

Цзянь Цзинь...

Он хотел, чтобы все в Поднебесной знали: Цзянь Цзинь принадлежит ему. Даже если за тем стоит кто-то другой, сейчас Цзянь Цзинь может быть только с ним!

Хэ Минчжао внезапно приказал:

— Чжан Чжун, составь указ. Назначь Цзянь Цзиня служителем книг, чтобы он ежедневно сопровождал меня! Нет, пусть немедленно явится во дворец!

Раньше он скрывал личность Цзянь Цзиня, чтобы защитить. Теперь в этом не было нужды!

Хэ Минчжао назначил Цзянь Цзиня «служителем книг» — как явствовало из названия, тот должен был прислуживать императору во время чтения.

В Великой Ци не у каждого императора был служитель книг. Но если император его назначал, это означало особую благосклонность, ибо первый служитель книг в истории империи был личностью необычной.

Император Тайцзу смог завоевать империю Великая Ци лишь благодаря полной поддержке брата своей жены. Однако, «небеса непостоянны»: брат императрицы заболел и умер накануне окончательного умиротворения страны, оставив малолетнего сына.

Император Тайцзу и императрица были безутешны. После завершения завоеваний они взяли мальчика во дворец и воспитывали его вместе с принцами.

<http://bllate.org/book/16212/1455696>